

Чакс и Бония не ожидали, что однажды окажутся в такой ситуации. Теперь перед Лу Цзинцянем они не могли вести себя высокомерно. В конце концов, они были вынуждены просить о помощи, а значит, должны были смирить свою гордость.

Лу Цзинцянь не предложил им сесть, и они стояли в неловком молчании.

— У нас есть дело, которое мы хотели бы обсудить. Я забронировал столик в твоём любимом ресторане, может, пойдём туда и поговорим за едой? — Чакс не хотел обсуждать дела на территории Антуана. Он уже пытался пригласить Лу Цзинцяня, но тот не ответил на его приглашение, поэтому ему пришлось лично прийти.

— У нас нет ничего, что стоило бы обсуждать. Если вам есть что сказать, говорите, пока у меня ещё есть терпение. Если это что-то, о чём нельзя говорить здесь, тогда вы можете уходить. Я не пойду с вами, ведь даже в Лесии сейчас не совсем безопасно. К тому же, учитывая ваши методы, я могу оказаться в плену, едва выйду за дверь, — Лу Цзинцянь говорил с сарказмом.

— Мы действительно поступили неправильно в прошлом. Сегодня мы пришли, чтобы извиниться. Мы ведь знакомы с детства, и я надеюсь, что ты сможешь забыть прошлое ради нашей многолетней дружбы, — сказал Чакс.

— Извиниться? — Лу Цзинцянь сделал удивлённое лицо. — Вы пришли извиниться? Я правильно понял? Раньше вы говорили, что больше не считаетесь с нашей дружбой, а теперь просите меня помнить о ней. Раз уж вы все уже решили, зачем мне это говорить?

Чакс не ожидал, что Лу Цзинцянь будет так бесцеремонен. В его памяти Хирен был очень мягким и воспитанным человеком, который никогда не стал бы ставить других в неловкое положение. Но перед ним стоял кто-то совершенно другой, чьи манеры и поведение не напоминали Хирена.

— Вы ведь пришли извиняться, верно? — Лу Цзинцянь посмотрел на Бонию. — Где же ваша искренность? Я её не вижу.

Чакс также повернулся к Бонии. Тот стиснул зубы и заставил себя произнести:

— Прости, Хирен, мы были неправы, не подумали о твоих чувствах. Надеюсь, ты сможешь нас простить.

— Я всё ещё не чувствую искренности в ваших словах, но раз уж вы их произнесли, а я их услышал, можете уходить, если больше нечего сказать, — Лу Цзинцянь дал понять, что разговор окончен.

Руководство по борьбе с оборотнями (13)

Пальцы Бонии слегка дрожали. Он чувствовал, что его достоинство сейчас унижают, и ярость в его сердце подталкивала его к тому, чтобы ударить Лу Цзинцяня. Он был Волчьим Королем, и тот, кто осмелится так с ним обращаться, заплатит за это!

Лу Цзинцянь понял, что думает Бония, и с презрением подумал, что если он злится из-за такого, то он ещё не знает, что такое настоящее унижение.

Хотя Лу Цзинцянь уже намекнул на то, что им пора уходить, Чакс не хотел уйти с пустыми руками. Они уже извинились, и теперь нужно было сказать главное.

— В Ордене Белых Рыцарей многие получили ранения, и сейчас нам очень нужны лекарства. Пожалуйста, поделись с нами, учитывая, что некоторые из них защищали тебя и твоего отца, — сказал Чакс.

Опять за свое. Лу Цзинцяню надоело, что Чакс постоянно вспоминает прошлое. Он не поддавался на такие уловки. Хирен мог быть сентиментальным и легко смягчаться, но он был не Хирен.

— Кажется, мне нужно напомнить вам кое-что, — сказал Лу Цзинцянь. — Мой отец погиб от рук оборотней под защитой вашего Ордена. А те рыцари, которых вы прислали охранять меня, были просто вашими шпионами. Вы действительно думаете, что я этого не знал? Как вам вообще не стыдно говорить об этом?

Чакс не нашел, что ответить. Отец Антуана покончил с собой, потому что Черные Рыцари не смогли защитить предыдущего Пророка. А он, как командир Ордена Белых Рыцарей, не сделал ничего, чтобы признать свою вину за гибель отца Хирена.

— Хотя твой отец погиб под защитой Белых Рыцарей, они все же защищали его много лет, и у них были свои трудности. Они сделали все, что могли, и, конечно, не хотели его гибели, — Бония не выдержал и вступился за Чакса.

Лу Цзинцянь медленно встал и шагнул к Бонии, смотря на него пронзительным взглядом:

— В этом мире ты — последний, кто имеет право говорить о моем отце!

Бония отступил на два шага, почувствовав страх в глазах Лу Цзинцяня. Он не понимал, как Хирен стал таким сильным, что мог заставить его нервничать. Неужели он что-то знает?

— Кажется, я вовремя, — Антуан вошел в комнату, окинув взглядом троих. — О чем говорим? Могу я присоединиться?

Лу Цзинцянь обернулся к Антуану и спросил:

— Почему ты так рано вернулся?

— Услышал, что у нас гости, и решил пораньше вернуться, — ответил Антуан.

— Ты как раз вовремя. Эти двое пришли за лекарствами, которые оставил мой отец. Раз уж я передал их тебе, то решение о том, давать их или нет, остается за тобой. Так что поговори с ними, — Лу Цзинцянь явно дал понять, что больше не собирается иметь дело с Чаксом и Бонией, и сел на диван.

Чакс мог смирить свою гордость перед Лу Цзинцянем, но перед Антуаном он не мог просить о помощи. Однако он не хотел уходить с пустыми руками и смотрел на Лу Цзинцяня, надеясь, что тот смягчится.

Антуан сел рядом с Лу Цзинцянем, оставив между ними лишь небольшое расстояние. Их поза напоминала супружескую пару.

— Если мы, Черные Рыцари, оставим все лекарства себе и не поможем Белым Рыцарям, это будет нечестно. Хотя, когда у вас было достаточно лекарств, вы не подумали о нас. Но мы не будем такими, как вы, и не позволим борьбе за власть лишить нас человечности. Так что не волнуйтесь, я поделюсь с вами лекарствами, но пока не время.

Чакс, выслушав саркастическую речь Антуана, уже хотел уйти, но, услышав, что лекарства все же будут переданы, сдержал гнев и спросил:

— Если ты такой благородный, когда же ты поделишься с нами лекарствами?

— Когда ты перестанешь быть командиром Ордена Белых Рыцарей, я не оставлю их без помощи. Пока ты на этом посту, я не передам вам лекарства. Если ты действительно заботаешься о своих подчиненных, уйди с должности, — сказал Антуан.

Чакс глубоко вздохнул, сдерживая последние остатки терпения, и посмотрел на Лу Цзинцяня:

— Хирен, я все же надеюсь, что ты пойдешь со мной поговорить, ради...

— Он никуда с тобой не пойдет, — Антуан перебил его, положив руку Лу Цзинцяня себе на колено. — Между вами больше нет никакой дружбы.

Лу Цзинцянь слегка покраснел от жеста Антуана. Он никогда раньше не был в отношениях, и, хотя у него был опыт в играх, настоящие чувства он испытывал впервые. Хотя ему было немного неловко, он не отнял руку, не желая подрывать авторитет Антуана перед Чаксом и Бонией.

<http://bllate.org/book/16839/1548956>